

сто говорят, как-бы, в пол голоса. Или может быть, его голос заглушен шумами прошлого —

«Ведь нам до смерти будут сниться
— В дыму — горящие станицы,
И ржанье взмысленных коней,
И жаркий грохот батарей».

Над сознанием поэта не угасает «отблеск» «дней войны и дней свободы». Но ирония, одна из ядов поздней культуры, часто пресекает у автора стремление отдаться, до конца, порыву. Сухим ветерком пронизаны самые лирические строки, что вызывает, иногда, сомнение в целостности переживаний. Слишком внимательно смотрит поэт на ту жизненную ткань, которая не всегда поддается анализу. Он стоит у самой черты, за которой начинается распад. Но то, что еще полно человеческой теплоты и убедительности, в стихах о «годах», — годах Русского лихолетья, — заметно мертвеет, когда поэт говорит нам о «камях» старой Европы. Тут Софиев утрачивает динамику и перед нами ряд беспорядочно стройных, но лишенных движения стихотворений. Это фотографии, но фотографии художественные. Их нельзя не полюбить, но они не обогатят сознания. Интересно отметить, что стихам о «камях», одной из постоянных тем Софиева, отведено в книжке непропорционально малое место. Повидимому и в оценке самого автора они стоят ниже стихов, где живая, страдающая, но не сдающаяся Русская душа противостоит миру.

Заканчивая эту беглую заметку, мы позволим себе горячо рекомендовать читателям «Годы и камни» Юрия Софиева. Крепкий Русский язык этих стихов, уже сам по себе, такая радость для слуха. Какой контраст с произведениями многочисленных «почтов», органически лишенных чувства языка, на котором они пишут.

Николай Вадвич.

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВ. — Гонец.
Письма с Помперага. Изд. АЛАТАС.

Благовестие Великой Радости Бытия, Благовестие великой любви к своей стране — Родине, радостный и смелый крик в ночи нашей сумбурной и темной жизни — призыв к Вере, Трудю и Бодрости — вот что такое эта книга.

В далекой глуши Американского континента, при слиянии двух древнеиндейских рек Хусатоника и Помперага, талантливый, душевно храбрый и бодрый человек построил скит-избушку

Уход на землю, возвращение к природе, но, уход не эгоистический, не для личного отдыха, не отрясение праха, а уход — возвращение действительное. Уход со скорбью, с мечтой о своем далеком народе, о его будущем. Уход с мечтой, здесь, на лесистых берегах Помперага, зажечь яркий светоч для всех в рассеянии сущих.

И вот сильная Вера, Дух Бодрости, кровь, крепкая Сибирская, победили и вокруг избушки на Помпераге разросся поселок, построилась часовня, создались художественные и философские студии, собственное издательство и полетели во все концы мира лучи — гонцы!

Имеющий уши слышать — да слышит!

Проповедь Веры, Трудя и Бодрости. Призыв к умному деланию, к любви, к своей Стране, ее земле, народу ее населяющему, к ответственности перед духовной жизнью предков и потомков.

«Вот сижу в глуши американских дебрей и берегу драгоценный дар народа своего, как лучшее зерно, которое хочу взлелеять в думках и в труде уединенном и возратить Родине в созревшем колосе, во много крат умноженное с благодарностью добросовестного должника».

В нескольких строках невозможно дать даже относительно полного представления о сущности мирозерцания

этого большого Человека — автора «Гоним». Хочется отослать читателей к самой книге, убедить их прочесть ее, пережить вместе с автором. Вдуматься и перечувствовать ее душу. Утолить жаду той, по истине, живой водой, которой пропитана каждая ее страница.

«... знайте, любовь и радость со-здания — вот что самое прекрасное, что хочется понять и утвердить нашим далеко несовершенным пониманием».

Какой энергией, какой верой и несокрушимой бодростью звучат его призывы к людям пошатнувшимся, утерявшим веру и в себя и в Россию, ушедшим в жалобы.

«... начинайте действовать, начинайте как-нибудь, с самого малого.. начинайте что-либо создавать...».

«И помните, что даже в минуту передышки, в секунду отирания застилающего глаза поэта, надо думать не о себе, а именно о тех, кто в тысячу раз несчастнее нас, хотя бы потому, что даже не змеют возможности жаловаться...».

В работе здесь, в эмиграции, Гребенщиков видит преддверие к настоящей, светлой и радостной работе на Родине.

«... с удвоенной силой будем работать вдвдди друг от друга, зная, что рано или поздно встретимся радостно-цветущей и единой ниве — на работе для построения новой, светлой Родины, Страны Великого Будущего».

И победным призывом ко всем работающим в области Духа, призывом на борьбу с царящим в мире материализмом, звучат заключительные слова книги Гребенщикова:

«... ты помчишься... с бодрящим призывом о том, как бесконечно высока и невыразимо прекрасна лестница для человеческого восхождения, как радостно спешить вперед,

как трепетно всходить на первые ступени небывалой эры.

Лети мой верный и любимый, мой Гонец».

Алексей Гернг.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО.

(По поводу книги В. П. РЯБУШИН-СКОГО).

— Иностранец, не знающий Русской истории, — писал еще Грибоедов, — мог-бы заключить, «что у нас господа и крестьяне происходят от 2-х различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами». На этом противопоставлении В. П. Рябушинский подробно останавливается и для 18-ого века дает такую картину: «важитанный, богатый купец-старообрядец с бородой и в Русском длинном платье, талантливый промышленник... и в то-же время знаток древнего Русского искусства, археолог, собиратель икон, книг, рукописей, — был мужик, а мелкий канцелярист, выбритый, в западном камзоле, схвативший кое-какие верхушки образования, взяточник... это уже барин».

Соблазнительно распространить определение автора на следующий, 19 век. Тут дело еще хуже. Купец-старообрядец продолжает стоять, как скала, а чинуша уступает место некоему существу, вытланному из 4-ого класса гимназии за неспособность, в 16 лет «научно и окончательно» решившему, что Бога нет и, разумеется, шархнувшемуся в революционное подполье. Наглотавшись там разной премудрости, из социалистических талмудов, он мечтал «о высшем подвиге» — убить царя или хотя-бы городского. Это существо, разумеется, относилось к купцу-староверу, как к «дикому изуверу», а само почиталось «выразителем гражданской скорби», «светочем культуры» и «двигателем прогресса», — ИНТЕЛЛИГЕНТОМ. Вернемся к автору ин-